

**Элита Польского государства в эпоху ранних Пястов:
археологическое измерение и общеевропейский контекст**

(*Buko A. (ed.). Bodzia: A Late Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland. Leiden: Brill, 2014. 656 p.*)

Археология эпохи становления раннесредневековых государств в Центральной и Восточной Европе обогатилась новым памятником, важным для понимания надрегиональных закономерностей этого процесса. В результате охранного раскопок 2004 и 2007–2009 гг. в центральной Польше на юго-востоке исторической Куявы у селения Бодзя (гмина Любанье, повят Влоцлавекский, воеводство Куявско-Поморское) было открыто и изучено одно из немногочисленных кладбищ конца X — XI в. Несмотря на то что строительство затрагивало лишь часть некрополя, ввиду его важности было принято решение о раскопках всей площади, чему организационно и финансово способствовали Институт археологии и этнологии Польской академии наук и Национальный институт культурного наследия.

Публикация результатов исследования этого некрополя способствовала дискуссии о развитии погребального обряда, становлении элиты и христианизации изучаемой эпохи. Исследователи подчеркивают уникальность кладбища во всем: захоронения камерного облика и черты обряда, характерные для степных культур, хорошо читаемые ряды могил, ориентированных с севера на юг, богатый погребальный инвентарь, имеющий параллели как на западе, так и на востоке Европы. Все это — в новой книге на английском языке, вышедшей в издательстве «Бриль». Двадцать пять авторов тома с исчерпывающей полнотой представили материалы раскопок и результаты их осмысления. Некрополь Бодзи ждет еще и польскоязычное издание его материалов

Введение, написанное А. Буко, предлагает общее понимание памятника как одного из самых замечательных археологических открытий в Польше после Второй мировой войны и дает общую характеристику тома (с. 1–5). Изложение ключевых тем всех глав способно сориентировать читателя в содержании книги. Здесь сразу же задается континентальная перспектива исследования. Ранний период государства Пястов хронологически совпал с поздней эпохой викингов, что подчеркивает и заглавие книги: Польша здесь становится частью викингской Европы. Автор полагает, что погребенные в Бодзе не принадлежали к местному обществу и сознательно демонстрировали свои связи со славянским, степным, хазарским и скандинавским мирами, которые осуществлялись по Висле, вблизи которой и возникло кладбище.

Первая часть книги посвящена исторической и археологической ситуации в регионе в X–XI вв. М. Богуцки в главе 1 «Археологическое окружение могильника Бодзя и торговый путь по Средней и Нижней Висле в среднюю и позднюю эпоху викингов» (с. 9–33) осветил основные проблемы местных коммерческих путей, а также дал характеристику системы расселения. Некрополь

располагался в 15 км от укрепленного поселения Влоцлавок (Влоцлавск), расположенного при слиянии рек Вислы и Згловянчки и предположительно отождествляемого с известным из письменных источников *Wladislaw castrum*. Оно являлось торговым и ремесленным центром. В округе зафиксировано еще три укрепленных поселения, а селище неподалеку от Бодзи, где известны односторонние составные гребни, имело ремесленный характер, хотя нет уверенности в том, что именно здесь жили люди, похороненные на исследованном кладбище. На Куявах также имело место производство соли, а средневековое металлургическое производство зафиксировано в Иновроцлаве.

Большинство погребальных памятников, в том числе и близлежащий некрополь Бжещ Куявский, где исследовано 150 из примерно 500 погребений, относятся ко второй половине XI в. Монетные клады происходят из Нешав, Бобровников, Пшибраново. Анализ монетных кладов показывает, что если саксонские монеты в Мазовии составляют более 50 % находок, то на Куявах и в Поморье — лишь около 20 %. Вещевой клад, содержащий предметы западнославянского, скандинавского и восточного ремесла и отражающий связи его владельца с Древней Русью, был найден в Боручине. Из Влоцлавека происходит чаша с изображением истории библейского Гедеона, изготовленная в Швабии или Нижней Лотарингии, возможно в Сен-Галлене, хотя сказать точно, когда именно она попала в Польшу, в XI или XII в., практически невозможно (анalogии см. в: Архипова, Павлова 2007: 246–257).

В то же время в низовьях Вислы известны и другие погребальные памятники, характерные для поздней эпохи викингов и имеющие как балтийские, так и скандинавские черты. Огромное кладбище в Кальдусе (гмина Хелмно, повят Хелмно, воеводство Куявско-Поморское) состояло из 500 погребений, среди которых известно восемь камерных могил, а среди погребального инвентаря есть предметы с руническими надписями (Chudziak 2001). Так, 52 погребения X — начала XI в., принадлежавшие местной элите, пользовавшейся скандинавской материальной культурой, исследованы в некрополе в Чепле (гмина Гниев, повят Тчев, воеводство Поморское) (Ratajczyk 2013a). Подобные погребения известны и в Пиене (гмина Дайброва Хелмирска, повят Быдыгощь, воеводство Куявско-Поморское). Влоцлавок и его округа вообще представляются важным центром на пути из Великопольши в Киевскую Русь, в районе которого сходились и другие торговые пути, в том числе Балтийский. Таким образом, регион занимал свое место в межрегиональной торговле, однако вопрос о его политической зависимости от Великопольши или Мазовии в эпоху существования некрополя остается открытым. Очевидно, в этом контексте здесь вполне могла появиться группа иноэтничного населения, принимавшая участие в ранних этапах сложения государства Пястов.

Р. Михаловски в главе 2 «Исторический контекст открытого в Бодзе некрополя» (с. 34–44) отмечает, что возникновение кладбища приходится на время активных политических изменений, начавшихся после образования ядра польского государства с центрами в Гнезно, Познани и Гжечи в первой половине X в. Это нашло отражение в письменных источниках уже в 960–970 гг. Некрополь и распложенный поблизости городской центр Влоцлавок находились на северо-восточной границе государства Пястов. Взаимоотношение государства Пястов с этими территориями необходимо рассматривать в контексте христианизации, появления иностранного духовенства и распространения этнонима «поляне» на соседние группы населения. Основное время функционирования

некрополя могло приходиться на время правления Мешко I (960–992), Болеслава Храброго (992–1025) и Мешко II (1025–1034). Автор, в отличие от своих коллег, не сомневается, что Влоцлавек упоминается как *Wladislaw castrum* в *Gesta principum Polonorum*, где, согласно сведениям Галла Анонима (первая половина XII в.) в эпоху Болеслава Храброго размещалось 800 конных и 2000 пеших воинов. Впрочем, раскопки не выявили здесь какого-то серьезного укрепления в интересующую нас эпоху, а само описание принадлежит к более позднему времени. В статье также не исключается, что сам некрополь мог быть связан с событиями киевско-польских войн 1013–1018 гг. и возможным «выводом» киевской элиты в Польшу, в результате чего выходцы из Скандинавии, проживавшие в Древней Руси и знакомые с восточной культурой, и могли оказаться на этих землях¹.

Вторая часть «Некрополь Бодзя: местоположение, природная среда, погребения и могильный инвентарь» состоит из четырех глав. И. Собковьяк-Табака посвящает 3-ю главу местоположению Бодзи и истории исследований памятника (с. 47–53). Некрополь возникает в моренном ландшафте, который был освоено человеком уже в эпоху раннего неолита, что обусловило залегание на исследуемой площади объектов и артефактов различного времени. Исследования 2004 и 2007–2009 гг. затронули площадь 3 га, всего было выявлено 2069 археологических объектов, 124 000 фрагментов керамики и 12 000 костных останков. Сам некрополь непосредственно залегал под верхним слоем почвы, что обусловило плохую сохранность деревянных конструкций. В главе также характеризуются методика раскопок и особенности полевой фиксации.

В главе 4 «Воздействие депозиционных и постдепозиционных изменений на сохранность костных останков некрополя Бодзя» (с. 54–62) И. Хильдебрандт-Радке продолжает затронутые ранее сюжеты. Местный ландшафт был сформирован Вислинским оледенением. Кладбище занимало юго-восточный склон небольшого холма, причем горизонт гумуса над погребениями составлял всего лишь 30–40 см. Дается геологическое описание почвенных слоев и самого материка, отмечается воздействие биохимических элементов, а также почвенной эрозии на погребения и говорится, что климатические условия в эпоху Средневековья были достаточно стабильны.

Глава 5 «Каталог погребений и погребального инвентаря» (с. 63–138) написана И. Собковьяк-Табака. Описание могил сделано на основе четырех основных групп данных: характеристик могильной ямы, фиксации погребения от поверхности земли, степени сохранности, ориентации, очертания, заполнения, размеров и внутренней структуры ямы, включая гробовище, и стратиграфического положения. Антропологические характеристики описания учитывают возраст и пол, сохранность костей, позицию и ориентацию костяка, порядок костных останков, а также патологии. Описание погребального инвентаря включает в себя элементы одежды и украшения, орудия, монеты и торговый инвентарь, оружие и «другое». В состав некрополя входили и кенотафы с погребенными вещами. Нумерация и обозначение погребений дается в соответствии с выявленными объектами. Среди них выделено несколько «камерообразных» погребений

¹ Интенсификация древнерусско-польских связей и появление предметов восточно-европейской культуры в Польше XI в. вместе с их конкретными «носителями» — киевскими пленниками князя Болеслава 1018 г., является общим местом польской историографии, см., напр.: Grygorowicz 2003: 225–228. Эта версия будет неоднократно воспроизводиться на страницах книги различными авторами.

(chamber-like grave, D149, D162, D164, E33, E36, E41, E58, E67, E 851, E 864), включая «семейные склепы». Основными критериями выделения таких погребений были не только размеры могильной ямы, но и наличие остатков дерева, возможных обкладок стенок ямы или ее крыши. В публикации есть подробные планы, но отсутствуют разрезы, столь привычные отечественным археологам. Однако глубину могильных ям можно оценить по проставленным здесь же нивелировочным отметкам: как правило, они неглубоки.

Приложением к этой главе служит описание результатов анализа древесных и органических остатков из погребений, составленное И. Кошалькой (с. 139–142). Всего было взято 24 образца из 14 погребений, 22 из которых были пригодны для анализов. Сосна (*Pinus sylvestris* L.), как и дуб (*Quercus* sp.), использовалась для изготовления гробов и обкладки стенок ямы; сосна также представлена сохранившимися углями. Ведра могли изготавливаться из тиса (*Taxus baccata* L.), а в одной из капторг-амулетов в погребении D148 присутствовал фрагмент льна (*Linnum usitatissimum* L.).

А. Дрозд-Липиньской и Т. Козловскому принадлежит глава 6 «Анализ скелетных останков» (с. 143–159). Их антропологическое описание производилось в Университете Торуня. Среди 58 погребений 52 скелета были доступны изучению, 35 из них оказались определимыми. Выявлено 14 мужских и 21 женское погребение. Из 17 неопределимых костяков 14 принадлежали детям и подросткам и три — взрослым. Удалось установить, что мужчины этой общины умирали в 40–50 лет, а женщины в 20–30 лет. Средний рост мужчин составлял 168,2 см, женщин — 152,3 см. Отмечается небольшое количество детей среди погребенных. Особое внимание было уделено патологическим изменениям и зубным заболеваниям, которые засвидетельствованы у 17 погребенных: в основном они касались болезнью позвоночника и остеоартритов, а также челюстных метастазов. В целом антропологические характеристики общины, включая патологии, весьма близки остальным группам населения на территории средневековой Польши.

Третья часть, «Анализ погребального инвентаря и его контекст», начинается с главы 7 «Обзор находок из могильника Бодзя», написанной А. Буко (с. 163–165). Всего проанализировано 528 предметов пяти категорий: оружие, орудия, костюм и украшения, коммерция и торговля, керамическая и деревянная посуда. Дополнительную категорию составили элементы погребальных конструкций. В заполнении могильных ям встречается керамика эпохи неолита, бронзы и раннего Средневековья. Вещи встречены в 78 % погребений, оружие представлено достаточно редко.

М. Кара написал главу 8 «Торговый инвентарь (складные весы)» (с. 166–176). Единственный практически полностью сохранившийся экземпляр происходит из погребения-кенотафа E41 и относится к типу Ia по типологии К. Ваховского или к типу III по классификации Х. Стейра. Весы определено североευропейские и изготовлены по англо-саксонской модели. Они имеют характерную для IX–X вв. незначительную орнаментацию. Такой тип имеет широкое географическое распространение, и на территории Польши находки таких весов известны в Гнезно, Заводже (Калиш), Совинки (Познань) и Чепле.

М. Каре принадлежит и глава 9 «Оружие» (с. 177–196). Предметы вооружения найдены в пяти погребениях «элитарного» характера. Среди находок есть скрамасакс (battle knife, E 58), возможно, восточно-балтийского происхождения. Согласно автору, не исключено, что вторая режущая сторона была утрачена в результате коррозии. Единственный меч (вариант типа Z по типологии

Я. Петерсена и А. Н. Кирпичникова) из погребения E864/I, вероятно, был украшен в стиле Маммен. Он имеет широкий круг аналогий, включая Древнюю Русь, откуда, как полагает автор, и мог попасть в Польшу. Навершие боевого топора отнесено к типу IA по А. Н. Кирпичникову (E63). Наибольшее число аналогий вновь связано с территорией Древней Руси, в Польше подобные топоры известны в Лютомерске. Деревянная дубина типа *baculus* из дуба с двумя бронзовыми накладками имела статусный характер (D149); подобные изображены, в частности, на ковре из Байе, Франция. В коллекцию оружия также входит наконечник двушипной стрелы или дротика. Вслед за главой помещено приложение «Металлографический анализ некоторых находок из погребения молодого воина (E864/I)» (с. 197–201), написанное З. Хенцелем, где представлены результаты оптической металлографии предметов с использованием сканирующего электронного микроскопа.

В. Дучко принадлежит глава 10 «Статус и магия. Украшения элиты из Бодзи» (с. 202–221). Это наиболее многочисленная категория предметов. При раскопках найдено 19 перстней как в мужских, так и в женских погребениях, в том числе и из серебряной перекрученной проволоки. Найдено 30 бус из серебряной фольги овальной, сферической и полигональной формы, которые имеют аналогии в Польше и на украинских землях. Здесь же известно 14 височных кольца, в том числе и с S-образным окончанием, типичных для западных славян. Одной из характерных черт материальной культуры этого региона являются амулеты — капторги, практически неизвестные в Древней Руси, две из которых — трапециевидные со сканными изображениями хищных птиц, аналогичными представленным на серии подвесок, найденных в Древней Руси. Автор отмечает, что геральдический мотив хищной птицы в эту эпоху прослеживается в широком вещевом и географическом контекстах и не обязательно связан с Византией. В феномене капторга можно проследить восточную и позднеантичную традицию, которая через моравско-чешское посредничество достигла Польши. В Польше капторги происходят преимущественно из кладов, например, Хелм Дрезденецки и Боруцин, а в погребениях известны на кладбище в Дзекановичах, Остров Ледницкий.

Примечателен происходящий из погребения E864/I наконечник ремня с тамгообразным знаком, сравнимым со знаками Рюриковичей. Знак имеет форму двузубца с равноконечным крестом на левом зубце и волютообразной фигурой в основании. Над ним изображена фигура, возможно зооморфная, также включающая в себя волютообразные элементы и сравнимая с буквами глаголической азбуки. Плетенка на наконечнике могла иметь англо-скандинавское происхождение. Двузубец связывается исследователи с князем Святополком Владимировичем, прозванным Окаянным, а сам погребенный мог быть выходцем из Древней Руси, на что указывает и найденный здесь меч. Невозможно, однако, определить, был ли он «славянин» или «варяго-скандинав», однако женщина, чье погребение было перекрыто этой могилой, возможно принадлежавшая к тому же роду, обладала набором украшений западнославянской традиции.

В целом проанализированные изделия указывают на высокий уровень ремесла, связанного своим происхождением с моравско-чешскими традициями, однако некоторые черты могут указывать и на связи этого региона с древнерусским Черниговом. Характерно отсутствие предметов культа, так как капторги связаны преимущественно с магическими представлениями. Нет здесь и престижного датского влияния в орнаментике. Если речь идет об элитарных погребениях, то культура этой элиты не носила милитарного характера.

М. Декувна и Т. Пуровски в главе 11 рассматривают стеклянные бусы (с. 222–250). Всего обнаружено 253 целых бусины и их фрагментов в 10 погребениях конца X — начала XI в., только в одном случае зафиксирован набор бус конца XI — рубежа XI/XII вв. Описание бус дается по погребениям и комплексам. Восемнадцать бус были подвергнуты химическому анализу (с. 224, 251–261), причем был выявлен смешанный состав стекла, представленного как содовыми, так свинцовыми образцами. Глава снабжена качественными цветными иллюстрациями, легко позволяющими определить тип бус. Классификация бус дополнительно произведена на основе технологии их изготовления («тянутые» и «витые» бусы). Последняя из технологий в варианте 2, предполагающем употребление металлической фольги, может, по мнению авторов, иметь византийское происхождение (ср. Столярова 2010), хотя известно, что в вопросе о происхождении восточного стекла и изделий из него затруднительно определить, идет ли речь об исламских или византийских производственных центрах.

Т. Савицки в главе 12 «Металлические предметы» (с. 262–271) проанализировал 33 ножа, найденных в 30 погребениях. Они не являются хронологическими индикаторами некрополя. Коррозия не позволила провести металлографические исследования. Типология была построена на исследованиях Р. Рогоша для археологии Щецина: наиболее часто встречающийся тип — I. Найденные в одном из погребений пружинные ножницы имеют параллели в погребениях Польши и Древней Руси, в частности, в Шестовицах. В одном из кенотафов был встречен фрагмент серпа, о котором автор, впрочем, пишет не совсем уверенно. Известен в материалах некрополя и фрагмент цилиндрического замка, из другой могилы происходит ключ от такого замка; встречены здесь и гвозди, и заклепки.

А. Ковльска посвятила главу 13 кожаным элементам костюма (с. 272–287). В целом в некрополе зафиксировано незначительное количество фрагментов, среди которых, возможно, представлены пояс, ножны или чехол для ножа, и фрагмент кожи, украшенный плетеной проволокой и не имеющий параллелей, не исключено, часть воротника. В главе предложена реконструкция чехла для ножа (с. 286), выполненного, по мнению автора, в «эkleктическом стиле» Восточной Европы. Имеющийся здесь орнаментальный мотив в виде косо́го креста (*crus decussate*) интерпретируется как связанный с апостолом Андреем, «патроном Славянских стран». Такая интерпретация, на наш взгляд, выглядит несколько произвольно. В качестве характерной особенности культуры некрополя автор отмечает, что только в одном погребении был найден богато украшенный пояс, изготовленный из кожи. В рамках исследования в Познани был проведен радиоуглеродный анализ некоторых фрагментов.

Глава 14 «Керамическая и деревянная посуда» написана К. Замельской-Мончак (с. 288–303). В двух погребениях некрополя были найдены фрагменты двух керамических круговых сосудов, характерных для XI–XIII вв. и достаточно редко встречающихся в погребальном контексте. Деревянные ведра конической формы, изготовленные из сосны или тиса, встречены в семи погребениях, пять из которых женские, причем это женщины зрелого возраста. Иногда ведра представлены лишь кольцами и дужками. Они располагаются преимущественно справа в ногах или посередине могилы. В главе приводится статистика подобных находок на польских памятниках (Совинки, Лютомерск, Коньске). Вопрос о содержимом этих ведер достаточно сложен. В Бодзе его проследить не удалось, однако в Совинках здесь определенно находилось мясо и зерна некой масличной культуры. В случае с Бодзей допустимо, что помещение ведер

в могилу было связано с вопросом статуса погребенного, тогда как ритуальная еда могла быть принесена в другой форме.

Тому же автору принадлежит и 15-я глава «Предметы из кости и камня» (с. 304–312). В их число входят фрагменты двух односторонних составных гребней с бронзовыми заклепками (группа IV, тип II, вариант 5 по Е. Цнотливы). В целом, в Польше гребни в погребениях встречаются достаточно редко, но распространены в Северной и Восточной Европе. Из числа каменных артефактов упомянуто биконическое пряслице из овручского шифера, достаточно редкая находка, которая, впрочем, зафиксирована и в погребениях Кальдуса. По мнению автора, появление пряслиц в погребениях было связано с магическими представлениями, поскольку в мифологии веретено предстает как *axis mundi*. В заполнении одной могильной ямы встречен фрагмент мельничного жернова. Отметим, что подобная находка есть и в некрополе Удрая в Новгородской области, однако в книге справедливо отмечено, что такое встречается крайне редко.

Подробное описание находок монет дано польским нумизматом С. Суходольским в главе 16 «Обол мертвых» (с. 313–340). Некрополь Бодзя является одним из ранних примеров такого обряда в Польше. Монеты и их фрагменты встречены в 24 погребениях. Эта цифра упомянута на с. 313 и 322, где приведен список погребений с монетами, тогда как на с. 322 и 326 речь идет о 23 погребениях. Разнятся и данные относительного количества погребений с монетами: от 40 % (с. 322) до 42 % (с. 333). На с. 386 М. Кара напишет, что монеты найдены в 23 погребениях, что, по его мнению, составляет 46 % от общего числа могил. Всего из некрополя происходит 67 монет первой половины X — последней четверти XI в.: 12 целых экземпляров и 55 фрагментированных. Среди них 23 саксонских, 8 баварских, 3 франконских, 10 английских, одна скандинавская и три чешских монеты, один дирхем и восемь неопределимых фрагментов, три из которых представлены остатками монетных кружков без чекана. Встречен и редчайший тип денария, чеканенный герцогом Ричардом I (990–996, Руан, Нормандия), найденный вместе с другими 13 монетами, среди которых и чекан князя Болеслава Храброго, в погребении E864/II (с. 321, 323, 324, 325, fig. 16: 51). Автор традиционно упоминает о находке аналогичной монеты в России «в окрестностях Звенигорода», хотя сегодня очевидно, что утверждение о нормандском денарии в составе Звенигородского клада 1847 г. — не более чем историографический миф (Moesgaard 2014: 185, note 48, 49; Месгард, Мусин [в печати]). Наибольшая концентрация чекана монет относится к периоду 990–1010 гг., что датирует кладбище концом X в. — началом 1030-х гг.

Анализ депозиции монет показывает, что они располагались преимущественно рядом с черепом или внутри его — во рту или на глазницах (35/19), на груди (21/8) и в двух случаях — в руках. В качестве обол мертвых были также использованы золотой и серебряные фрагменты металла. В целом материалы польских некрополей демонстрируют весьма похожее распределение и использование монет. Однако автор отмечает, что в Бодзе монеты найдены в большем количестве погребений, чем в других некрополях, целые монеты — исключения, а большинство находок концентрируются в районе головы. Анализ монет из Бодзи допускает их 40-летнюю циркуляцию, тогда как сравнение монет некрополя с составом кладов свидетельствует, что в них представлены те же монеты, что и в погребениях, но в иной пропорции.

В главе предлагается сравнить зафиксированное в некрополе распределение монет с находками в регионах Эльбы, Дании, Швеции и на Балтике, тогда

как ситуация в Киевской Руси видится автору более сложной, поскольку здесь исследователь имеет дело с этнически различными территориями. Впрочем, он отмечает, что на востоке чаще встречаются ушки или отверстия для подвешивания, что придает монете орнаментальную функцию вместо роли оболы мертвых. К тому же на Востоке Европы встречается большее количество арабских монет. Отмечается и особое обращение с монетами в обряде погребения E864/II, где они были рассыпаны по телу погребенного как способ воздаяния особых почестей. По мнению М. Кары, это могло быть связано с влиянием погребальных традиций восточноевропейских степей, где известны случаи осыпания усопшего бусами.

Важное место в книге занимает часть четвертая — «Погребальные обряды». Глава 17 «Описание некрополя, организация погребального пространства и погребальные обряды в свете культурных и исторических детерминант» (с. 343–411) написана М. Карой. Автор отмечает, что некрополь существовал в бескурганной форме, однако не исключает возможности наземного обозначения могил с помощью каменных кладок, деревянных стел или даже небольших холмиков. В окрестностях кладбища церкви или часовни не прослежено. Ориентация погребенных совершена по линии «север — юг» с небольшим отклонением к югу. В некрополе четко выделяются две погребальные зоны: ранняя и поздняя. В поздней зоне находится и погребение D158, в котором покойник, предположительно, был связан: возможно, здесь существовала специальная зона погребения «заложных» покойников, параллели чему известны на славянских кладбищах.

К первой фазе, представленной наиболее обширной центральной зоной некрополя на восточном склоне холма, относятся 50 погребений, в том числе 12 мужских, 18 женских и 11 детских. Зафиксировано восемь кенотафов или ям, погребения в которых не сохранились. Могилы первой фазы организованы в четыре ряда, протянувшихся с запада на восток, фиксируются очерчивающие их закругленные рвы и квадратные ровики возле могил, имеющие параллели на Бриганских островах. Первый ряд, самый ранний, насчитывает 13 погребений (вне ряда к этой же фазе можно отнести еще шесть могил), во втором ряду их тоже 13, в третьем ряду восемь, в четвертом три. Какие-либо следы поминальных ритуалов не прослежены. Присутствующее в главе сравнение археологических реалий Бодзи с описанием погребения знатного руса у Ибн-Фадлана представляется несколько искусственным, тогда как указанные параллели с культовыми местами в Кули (Вестфольд, Норвегия) могут оказаться интересными.

Большая часть могильных ям имеет прямоугольную форму с округлыми углами (29). Именно это признак отнесен автором к камерным погребениям, параллели которым находятся в Дании и в Киевской Руси (с. 360), что не исключает и более широкого сравнения местных могил с кочевническими погребениями степной зоны и Сибири. По своим размерам могильные ямы можно разбить на семь групп. Овальные ямы сравниваются с погребальными традициями Хазарского каганата, что представляется несколько прямолинейным. С этим же степным влиянием могут быть сопоставлены женское и детское погребения E37 и E856 в эмбриональной позиции. Погребение E864/I, возможно, совершено в сидящей позе.

Непосредственно к «квазикамерным погребениям» или «погребениям типа камерных» отнесено всего 10 могил и один кенотаф (с. 363). Наличие гробов с металлическими обкладками и тканой обивкой делает погребения уникальными. Замки при гробах должны были выполнять апотропеическую функцию.

Камни в погребениях зафиксированы как на уровне костяка, так и в заполнении ямы. Свою роль в погребальном обряде играли и помещенные в могилу вещи, которые встречены в 2/3 погребений, принадлежавших преимущественно женщинам репродуктивного возраста, что соответствует известной средневековой практике. В главе приводится корреляция наличия погребального инвентаря с половозрастными характеристиками погребенных. Далее дается анализ инвентаря по категориям. Так, ножи встречены в 60 % погребений первой фазы существования некрополя. Несмотря на возможность соотнесения их депозиции с определенными телесными зонами, закономерности здесь не прослеживаются. В большинстве случаев нож встречен на поясе в погребениях всех возрастных категорий. Он размещался преимущественно с левой стороны тела, что соответствует пространственной ориентации демонических сил и предполагает возможность символической защиты от них. Автор отмечает при этом, что оружие в могилах Бодзи размещалось справа.

Определенные закономерности отмечены в помещении монет в могилы: они сопровождают женщин, погребенных в молодом возрасте, тогда как мужских погребения они соответствуют более зрелым возрастам. Монеты в могилах должны обладать символическим значением, а не только способствовать престижу покойника и подчеркивать его статус. Их ритуальный смысл может быть связан с идеей перехода в иной мир, тогда как семантика соотносилась с помещенной на них христианской символикой как средством защиты от злых духов. Украшения у женщин могли иметь эмблематический характер, параллели чему встречаются в Скандинавии, на Руси и на Дунае. В их число входят височные и головные украшения преимущественно у зрелых женщин; использовались начельные повязки с привесками. В то же время находки сломанных украшений в могильных ямах должны были символизировать окончание жизни и изменение социального статуса.

Капторги справедливо рассматриваются как амулет для хранения парареликвий, однако гипотеза о помещении в них частиц погребальных пелен Христа или Святого Креста представляется чересчур смелой². Такой же смелой видится идея представить хищную птицу на капторгах как осознанный геральдический символ и увязать его происхождение с Византией. Еще одна предполагаемая параллель с византийской культурой связана с попыткой отождествить уже упоминавшийся наконечник ремня — инсигнии власти с *balteus*, ремнем-портупеей офицеров византийской армии, вручавшимся непосредственно императором. Автор отмечает, что знаки христианства в могилах существуют, но не всегда просматриваются отчетливо.

В целом интерпретация вещей и украшений в погребении представляется перенасыщенной символической образностью и магическими функциями, доказать наличие которых у оставившего эти предметы коллектива не представляется возможным. Наблюдается и определенное противоречие между скандинавско-балтийской составляющей в культуре общины и попытками византийской интерпретации происхождения некоторых ее элементов.

В главе 18 «Опыт реконструкции гробов» Т. Савицки (с. 412–420) на основе остатков дерева и металлических оковок трех типов, найденных в 11 погребениях, предпринял попытку восстановить формы гробовищ. Всего восстанавливается

² Анализ содержимого капторг на территории Чехии указывает на вложения, связанные с более примитивными верованиями: Profantova, Šilhova 2010; Profantová, Špaček, Novotná 2011.

восемь форм с прямоугольными, округлыми и треугольными крышками, что демонстрирует высокую степень разнообразия этих погребальных конструкций. В одном случае (E851) гроб мог быть трапециевидным в плане. Аналогий таким оковкам в Польше не существует, а ближайшие параллели автор усматривает в Дании и Южной Скандинавии, а также в Великой Моравии. Хронологически все гробовища принадлежат к одной фазе функционирования некрополя. Отличительной характеристикой погребений в гробах является относительно богатый инвентарь, тогда как иные закономерности в области пола, возраста и расположения могилы на плане некрополя не прослеживаются. Лишь в одном случае удалось определить, что гроб был изготовлен из дуба, это уже известное нам погребение E851. В целом гробы должны были обладать символическим значением разделения мира мертвых и живых.

И. Кошалка в главе 19 «Символические аспекты остатков дерева в некрополе» (с. 421–424) продолжает эту тему. Дерево, символ мирового древа, вообще обладало особым статусом в погребальном ритуале как проводник усопшего в иной мир. Этот материал служил здесь для разных целей: изготовления погребальных конструкций, гробов, предметов быта. Преимущественно использовались сосна, дуб, тис (последний рассматривался преимущественно как древо смерти). Наличие угля в могилах могло быть связано с ритуальным очищением пространства и защитой совершающих погребение при соприкосновении с миром мертвых. В любом случае он должен был отмечать зону сакрального, подчеркивая новый статус мертвого тела. Преимущественное использование сосны для ритуалов могло быть связано с ее активным запахом, что дополнительно имело значение ритуального каждения.

Пятая часть посвящена хронологии памятника. Двадцатая глава, названная «Хронология некрополя» и написанная А. Буко и М. Карой (с. 427–436), рассматривает различные аспекты возможных относительных и абсолютных датировок погребений, используя, прежде всего, типологический, археолого-нумизматический и естественнонаучные методы. В силу специфики однослойного памятника стратиграфический метод в целом неприменим. Отдельные наблюдения возможны лишь в отношении последовательности серии погребений, нарушающих целостность предшествующих, а также формирования рядов кладбища. Отмечается, что погребения здесь совершались достаточно часто. В существовании некрополя выделяется две фазы. Первая относится к последней четверти X — середине XI в. (980/985–1030/1035 гг.) и фиксируется преимущественно на основе монетных и вещевых находок, к которым относятся перстни из витой проволоки и височные кольца с S-видным окончанием. Древнейшие погребения находятся в западной части первого ряда некрополя (D162, D171, D168), где встречены монеты Болеслава II Чешского. Топографические и вещеведческие наблюдения позволили выделить участок могил в северо-западной части некрополя, относящийся ко второй фазе (конец XI и/или первой половины XII в.) и охватывающий жизнь одного поколения.

Получен ряд радиоуглеродных дат по образцам дерева, угля и льна. При вероятности 95,4 % они укладываются в интервал 895/896–1020/1024 гг. Этим датам посвящены следующие за главой два приложения: «Масс-спектрометрическая радиоуглеродная датировка образцов из некрополя Бодзя с использованием ускорителя», написанное Т. Гослар (с. 437–440), и «Радиометрическая радиоуглеродная датировка образцов из некрополя Бодзя», составленное ведущим польским специалистом по дендрохронологии М. Кромпецом (с. 441–442).

В рамках шестой части книги с названием «Местные или пришлые?» авторский коллектив пытается решить вопрос о географическом и этническом происхождении общины и ее членов. Т. Д. Прайс и К. М. Фрай посвятили 21-ю главу изотопному анализу костных останков погребенных в некрополе Бодзя (с. 445–462). Анализ соотношения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ и $^{18}\text{O}/^{16}\text{O}$ позволил выявить одного местного индивидуума (D165) и 10 пришлых. Последние предположительно связаны с территорией Киевской Руси, вероятность чего подтверждается и данными археологии. Интересно, что в погребении E864/I зафиксировано присущее местной среде низкое содержание стронция при абсолютно нехарактерном для местной культуры облике погребения.

В. Богданович, Т. Гжибовски и М. М. Бусь в главе 22 «Генетический анализ некоторых погребений» (E58, E63, E864/I, E870, с. 463–476) пытаются охарактеризовать погребенных членов коллектива на основе анализа ДНК, в том числе митохондриальной (mtDNA) и ядерной (nuDNA). Характеристики гаплогрупп Y-DNA на основе субклада I1 дают разброс показателей от Скандинавии до Северо-Западных Балкан и Северо-Западной России, где такой субклад авторы объясняют присутствием викингов на этих территориях в эпоху Киевской Руси. Среди гаплогрупп mtDNA выделяются как характерные для местного населения, так и присущие другим европейским зонам. Авторы затрудняются указать конкретный регион, с которым могло быть связано происхождение общины, однако, ссылаясь на анализ изотопов, готовы говорить о скандинавских корнях одного из погребенных и возможной связи некоторых с территорией Киевской Руси, подчеркивая при этом сложности в интерпретации выводов подобных генетических анализов.

Седьмая часть «Европейский контекст некрополя Бодзя» состоит из двух глав. М. Мюллеру-Вилле принадлежит глава 23 «Некрополь Бодзя в широком европейском контексте» (с. 479–510), представляющая собой мини-монографию. Здесь дан широкий анализ европейских погребальных практик той эпохи. Автор отмечает два ключевых момента, включающих некрополь в общеевропейский контекст: «камерообразные» погребения (*chamber-like graves*) и декларируемые исследователями связи со Скандинавией. Для первой фазы существования некрополя автор выделяет четыре основные характеристики, уже известные нам из 5-й главы: большие могильные ямы (1,28/2,24×0,75/0,94×0,36 м), объединенные в ориентированные по линии «запад — восток» ряды погребений; деревянные конструкции; квадратные участки, выделенные ровиками, объединяющие от одной до трех могил, а также овальные пятна, возможно от столбов ограды; ингумации с северной ориентировкой, преимущественно на спине, в двух случаях в эмбриональной позиции, а также не менее 14 деревянных гробов с оковками. Особенности погребального инвентаря в данном случае не затрагиваются. В западнославянском мире подобные большие ямы с квадратными оградками известны в некрополях Дзекановичи, Великопольша, где исследовано 1650 погребений XI–XIII вв., и Пиень. Со ссылкой на А. Яновского (Janowski 2011) автор характеризует типологически близкие погребения между Хольштейном и низовьями Вислы (Пиень, Цедыня, Кальдус, Совинки, Наполе, Узедом, Узедаль, Ольденбург), чьи размеры представляются, впрочем, более значительными, чем в Бодзе. Здесь отмечается отсутствие исключительно скандинавских коннотаций в обряде, тем более что многие погребения датируются рубежом XI/XII–XII вв.

Обозревая восточнославянские пределы, автор во многом опирался на работу К. А. Михайлова (Mikhajlov 2011: 205–221), где сравниваются камерные погребения исторической Дании (117 могил в 29 некрополях), Швеции (130/14)

и Древней Руси (76/8). Для последней из указанных территорий возможно присовокупить еще 34 случая, где предположительно фиксировались камерные погребения, однако документация не позволяет сделать определенные выводы. Таким образом, в Восточной Европе такого рода погребения количественно не уступают скандинавским примерам. В целом хронология основных камерных погребений Бодзи совпадает с древнерусской серией, т. е. относится к 980–1030 гг. В главе дается краткая характеристика новых открытий камерных погребений в Киеве и Пскове. Похоже, автор согласен, что подобные погребения характеризовали социальный статус погребенных, а не их конфессиональную или этническую принадлежность. В Восточной Скандинавии такие погребения известны, прежде всего, в Бирке. Их уникальность определяется сидячими захоронениями и отсутствием гробов. Для Южной и Западной Скандинавии отмечаются особенности деревянных конструкций камер в Хедебю и Тунби-Бенебек, «ладейно-камерные» погребения, а также богатство погребального инвентаря, тогда как похожие погребения в Стариграде/Ольденбурге совершенно уже в христианском контексте. Во всех случаях мы видим разительное отличие от картины, открытой раскопками в Бодзе. В то же время Центральная и Западная Европа представлена в основном ранней традицией «камерообразных» погребений, относящихся к эпохе Великого переселения народов, в частности в ареале культур, связанном с Меровингами. Географически эти погребения обнимают собой пространства вплоть до Саттон-Ху на Британских островах и датируются преимущественно VI–VII вв. Дополнительно отмечается, что камерные погребения каролингского времени в Северной Германии заполняют временной разрыв в существовании обряда камерных погребений. В главе затрагиваются и некоторые частные параллели: так, в некрополе Кирхайм-Хаузен, Бавария, как и в Бодзе, известен квадратный ровик, ограждающий большую могильную яму. К особенностям некрополя в Бодзе несомненно относится состав погребального инвентаря и отсутствие конских погребений. Однако в целом автор приходит к выводу об отсутствии точных параллелей погребений первой фазе Бодзи X в. на сопредельных территориях. Лишь расширение хронологических рамок позволяет найти сходные черты с существенными связями.

М. Мюллер-Вилле полагает, что у истоков традиции камерных погребений стоит континентальная модель, некогда близкая к королевским захоронениям. В то же время ранняя группа погребений Бодзи не соответствует христианской традиции Западной и Центральной Европы с ее прицерковными некрополями. Очевидно, перед нами лишь одна из фаз многоступенчатого процесса христианизации обряда, известного в Померании-Поморье (Rebkowski 2007; 2011). В заключение, в согласии с выводами А. Буко (глава 25), автор отмечает уникальный и индивидуальный характер кладбища и его могил, являющего собой новый тип планировки погребального пространства, и допускает связь некоторых погребений с событиями похода Болеслава Храброго на Киев в 1018–1019 гг.

М. Кара в главе 24 «Некрополь Бодзя в контексте погребальных практик польских земель конца X–XI в.» (с. 511–519) обратился к примерам некрополей, исследованных на патримониальной территории династии Пястов, неизбежно дублируя некоторые наблюдения М. Мюллер-Вилле. Эти некрополи обычно были связаны с синхронными поселениями. Они воплощали концепцию сакральной (организованной) и профанной (хаотичной) зон. Автор также прибегает к обобщающей концепции противостояния «баварской» и «дунайской» традиций в обряде, различавшихся по наличию погребального инвентаря и гробов. Для этого

времени характерно отсутствие прицерковных кладбищ. Их роль выполняли «квазиприцерковные» кладбища при основных крепостях Пястов, очерчивавшие пределы христианизации и пастырской деятельности духовенства. Древнейшее кладбище по обряду ингумации известно в Познани-Солач. Ранние некрополи в Польше напоминают синхронные памятники в Чехии и Словакии, особенно в районе Нитры, однако погребения местной элиты могли ориентироваться и на каролингскую традицию. Еще одним направлением развития обряда этого времени являются курганы типа Ожешково-Альт-Кебелих с каменными обкладками, которые отражали проникновение населения поморского региона на территорию Великопольши. Некрополь Бодзя, несомненно, относится к «дунайской» традиции. В некрополе можно отметить также и элементы, роднящие его с обрядами, известными на территории Мазовии, в частности, квадратные участки могил. Автор полагает, что мазовецкие некрополи с каменными обкладками испытали влияние балтийской культурной традиции и Киевской Руси и даже могли быть непосредственно принесены на местные земли «варяго-русскими воинами», хотя, судя по другим данным (Dzik 2011), этот обряд, скорее всего, развивает местные традиции. Глава завершается справедливым утверждением, что уникальность некрополя Бодзи определяется уникальностью полученной здесь информации о развитии погребального обряда раннесредневековой Польши.

Заключительная, восьмая часть книги, она же глава 25 «Могильник Бодзя в свете междисциплинарных исследований» (с. 523–553), написана А. Буко. Здесь не только подведены основные итоги и дано краткое сравнительное описание погребений, но и подчеркнуты ранее не акцентировавшиеся особенности памятника, в частности, существенная динамика изменений параметров жизни и смерти в раннесредневековой Польше, зафиксированная погребальным обрядом. Автор дает характеристику погребений по рядам могил. Если в материалах погребений первого, раннего ряда, можно увидеть балтийские черты, то последующие захоронения демонстрируют древнерусское и степное влияние. Тема уникальности находит продолжение в рассуждениях об ориентировке могил, которая, согласно автору, была характерна для погребений эпохи Меровингов более раннего времени, но позднее оказалась вытеснена представлениями христианской эсхатологии. В Бодзе можно наблюдать своего рода «воскрешение обряда». Впрочем, не стоит забывать и о соответствии такой ориентировки некоторым балтским и финно-угорским традициям в соседней Восточной Европе. Заметим также, что погребения могли быть ориентированы и на распложенную рядом, но несохранившуюся сакральную постройку, примеры чему известны как в Новгородской земле, так и в Великой Моравии.

К числу особенностей отнесено и практическое отсутствие предметов, непосредственно связанных с христианством, хотя помещение в могилы монет с изображением креста должно быть продиктовано христианской эсхатологией. Все это поднимает сложный вопрос о нормах и канонах христианства в эпоху, когда погребальный обряд стремился отразить социальный, а не конфессиональный статус покойного, к которому был индифферентен. Крест из погребения E57, вырезанный из кройцпфеннинга конца X в., справедливо сопоставляется с экземплярами, сделанными из дирхемов и денариев и известными в некрополях Тимерево и Никольское-2 (последний памятник расположен в Вологодской, а не в Волгоградской области, как в тексте, с. 541). Сегодня география таких находок существенно расширилась (Williams, Pentz, Wemhoff 2014: 189, fig. 41), а их связь с крестами «скандинавского типа» оказывается

дискуссионной. Обычно они сопоставляются с крестами из листового серебра, не имеющими литого орнамента. Предположение о скандинавских истоках этой традиции на сегодня представляется неверным (Тесленко, Мусин 2014). В главе также отмечается отсутствие среди погребального инвентаря элементов одежды, что предполагает возможность погребения умерших в простых льняных облачениях. Указывается и на отсутствие традиционных скандинавских украшений при скандинавских коннотациях обряда и культурных элементах.

Согласно автору, кладбище является отражением древнейших эпизодов истории польского государства, соответствует известному образу общества этого времени и характеризует зафиксированный источниками переход от *Civitas Schinesghe* к средневековой *Polonia* в контексте формирования социальной общеевропейской элиты. Возникновение некрополя происходит в момент переориентации северной торговли с востока на запад, что нашло отражение в составе монетных находок. В главе делается разбор социального статуса некоторых погребенных лиц и их этнокультурной принадлежности. Подчеркиваются отличия могил Бодзи от других богатых погребений в Польше, например, в Чепле и Лютомерске, характеризующихся, прежде всего, находками оружия и конского снаряжения (Jażdżewski 1951; Ratajczyk 2013b). Судя по всему, в общине Бодзи отсутствовала социальная стратификация, ей была свойственна этническая и культурная гетерогенность. В целом здесь прослеживается «эkleктическая» и «синкретическая» комбинация культурных элементов Востока и Запада, которая на последнем этапе существования кладбища завершается формированием обычного сельского средневекового некрополя.

Книга, несомненно, удалась и авторам, и издателю, и будет востребована. Это связано не только с интересом ученой публики к опубликованным материалам, но и с их интерпретацией исследовательским коллективом. В целом для авторов характерно уникальное сочетание археологических, исторических, вещеведческих, естественнонаучных, литургико-символических и культурно-антропологических подходов, создающее для читателя стереоскопическую картину многогранного мира древней общины. Впечатляет не только всесторонний охват исследованного материала, но и умение поместить его в широкий культурный, этнографический и географический контекст, что предполагает знакомство польских коллег с самым обширным кругом литературы на разных языках. Польская школа археологии — истории материальной культуры вновь подтвердила свою успешность и лидерство в изучении Центрально-Восточной Европы, удивительное трудолюбие и умение работать с материалом и выводами и наблюдениями коллег. Этот интернациональный эффект еще более усиливается отсутствием каких-либо «комплексов» перед приглашением сторонних специалистов, в том числе и иностранных, для изучения «собственного» материала. Такой подход к науке должен быть назван академическим, тогда как некоторые академики от российской археологии, похоже, считают подобную практику угрожающей их монопольным позициям в исследованиях.

Книга оказывается ценной для археологической науки не только введением в научный оборот нового памятника с его уникальной информацией. Она способствует дальнейшему развертыванию археологических и исторических дискуссий, достаточно остро ставя две проблемы, которые относятся к истории как Польши, так и Восточной Европы. Один сюжет связан с генезисом и развитием камерного обряда погребения как такового, другой — с участием скандинавов в развитии Центральной и Восточной Европы.

В настоящее время в отечественной археологии разворачивается дискуссия о хронологических границах обряда захоронений в камерах и методологических основах его выделения на общем фоне погребений X–XI в. «Классические» камеры конца IX — X — рубежа X/XI вв. фиксируются в некрополях так называемых протогородских центров (Ладога, Киев, Гнездово, Псков, Тимерево). Однако открытие в последние десятилетия в провинциальных некрополях XI в. погребений, близких по своим характеристикам (большие могильные ямы, деревянные конструкции, неординарный инвентарь) к камерному обряду, поставило вопрос о судьбе этой традиции на Руси. Подобные погребения открыты в Курском Посеймье (Щавелев 2002; Щавелев А., Щавелев С. 2003), на Брянщине (Гурьянов 1993; Шинаков, Гурьянов, Чубур 2011), в Новгородской земле (Соболев 1997; Платонова 1998; Sobolev 2012). В науке существует критическое отношение к такой «расширительной» трактовке камерного погребения (Михайлов 2008; продолжение дискуссии в связи с конфессиональным статусом погребенных см. в: Хамайко 2014), в основе которого лежит представление об обряде как совокупности ритуальных действий, а не совокупности археологических фактов. Все вышеописанные открытия, по мнению сторонников критического взгляда, не имели локализованных во времени признаков специфического обряда и соответствующего набора погребального инвентаря, а за деревянные конструкции могли приниматься «следы ожелезнения» песчаного заполнения и стенок ямы. Такие допущения и натяжки и привели, по мнению критиков, к неоправданному расширению этой группы погребений за счет захоронений других типов. Вышеперечисленные находки, согласно этой позиции, стоит обозначить как «псевдокамеры».

Напомним, что оценка поздних камерных погребений на древнерусских землях в публикациях исследователей колеблется от непосредственных «реplik варяго-русского обряда» до признания их «квазикамерными» погребениями и захоронениями «типа камерных». В то же время всеми исследователями признается, что «вся логика развития отечественной историографии демонстрирует, что изучение древнерусских погребальных камер происходило в отечественной археологии параллельно с исследованиями западноевропейских ученых» (Михайлов 2008: 41). Новый этап в изучении «камерных» погребений «западноевропейскими учеными» способен подвести определенный итог охарактеризованной выше дискуссии.

Авторы книги отмечают, что «камерообразные» погребения (несколько неуклюжий для русского языка, но емкий термин), достаточно широко распространенные в Центральной Европе, являют собой более сложный феномен, чем простое воспроизводство хронологической или этнической модели. В погребениях камерного облика в Древней Руси XI в., в условиях хронологического и культурного континуитета, стоит видеть развитие обряда предшествующего столетия, типологически близкого им по ряду принципиальных характеристик. Люди, совершавшие погребение, воспроизводили некогда престижный обряд в имеющихся условиях, «здесь и теперь». Там же, где можно наблюдать содержательные и временные разрывы между различными фазами в воспроизведении «камеры» (Западная Европа, Поморье), возобновление такого обряда стоит рассматривать как стадийное явление, когда состояние «социального стресса» требует особой демонстрации общественного и религиозного статуса человека в погребальном обряде, выраженного идеей «продолженного существования» и даже «вечной жизни» усопшего.

Другой вопрос связан с участием скандинавов в истории Польши, в том числе и о скандинавской идентичности тех, кого хоронили в «камерообразных» гробницах. Этот вопрос решается неоднозначно в польской науке, а непосредственные попытки соотнесения обряда и этноса вызывают критические замечания, иногда с некоторым оттенком «национальной гордости», подобной сентиментам отечественных «антинорманистов»: могли ли быть эти скандинавы «нашей местной славянской» элитой? (Janowski 2013: 404). В целом же, даже с учетом участия скандинавских наемников в дружинах первых Пястов и активных славяно-скандинавских контактов этого времени этническая интерпретация камерных погребений (как и погребений с каменными обкладками) сейчас представляется сомнительной (Sikora 2013: 87).

Однако проблема может быть сформулирована несколько шире. Насколько «скандинавскими» являются «скандинавообразные» элементы древнерусской и, шире, восточно-европейской культуры на территории Польши? В тексте книги достаточно часто используются выражения «Varangian-Rus» или «Scandinavian Rus» (с. 18, 353, 367, 508 — «Old Rus-Varangian dominion», 510 — «Varangian Rus», 517 — «Varangian-Rus warriors», 551), предполагающие, что «русо-варяжский» мир однозначно соотносится со скандинавской культурой (с. 1). Все же представляется, что эти связи и соотношения оказываются более сложными; они опосредованы процессом аккультурации скандинавов в восточно-европейской среде (об этом процессе см.: Bauduin, Musin 2014).

Представляется, что книга использует своеобразные клише англо-саксонской историографии с присущими ей представлениями о неизменности скандинавской идентичности на Востоке. Эти клише отсылают нас к летописному мифу о «варяго-русах», введенному автором «Повести временных лет» в своем *origo gentis* и вписывающему русь в этногеографический контекст Скандинавии. Очевидно, что никакого «варяжского» племени русь наряду со «свеями», «урманами», «готами» и «англянами», не существовало: русь есть продукт аккультурации скандинавов в Восточной Европе. В результате скандинавские по происхождению культурные элементы, претерпевшие трансформацию в славяно-русской среде или сложившиеся здесь феномены скандинавского облика, впоследствии попавшие в Польшу с территории современных Украины и России, не могут рассматриваться как живое и непосредственное явление северогерманской (скандинавской) культуры. Обратное утверждение задает неверную перспективу исторического наблюдения. Естественно, нельзя исключить появления в Восточной Европе собственно «варягов», оказавшихся здесь в связи с различными волнами и группами переселенцев с севера и уже с востока проникших в Центральную Европу. Однако различие в этом потоке людей, вещей и идей собственно скандинавов и восточноевропейской руси становится самостоятельной исследовательской задачей.

Интересно отметить, что «варяжская русь» на страницах книги зачастую упоминается совместно с термином *Ruthenia* (с. 510; ср. выражение «Byzantine and Ruthenian art», с. 286), исторически возникшим для описания искусственно сконструированной идентичности галицко-волинских земель, вошедших в XIV в. в Польское и Литовское государства. Представляется, что свою роль в утверждении этого словоупотребления сыграла польская историографическая традиция, сформировавшаяся в «*dwudziestoleciu międzywojennym*» и предпочитавшая древнерусское влияние интерпретировать как «варяжско-викингское». Так, при описании находок мечей из погребений в Плеснеске-Подгорцах, Львовская

область, украшенных северной орнаментикой (см.: Liwoch, Muller-Wille 2012), авторы, отмечая трудность однозначной этнической интерпретации таких предметов, допускали, тем не менее, что Киев представлял на этих землях «наместник-варяг» (Leńczuk 1930: 371).

Заметим также, что однажды примененная в книге «уравновешивающая» конфессиональная терминология «Eastern Catholic Church» и «Roman Catholic Church» (с. 287) и переводимая на русский язык как «Восточно-кафолическая церковь» и «Римо-католическая церковь», вряд ли применима к концу X — XI в. В условиях «неразделенной Церкви» до «схизмы 1054 г.», которая сама по себе не оказала серьезного влияния на взаимодействие региональных вариантов христианства, правильнее было бы писать о «восточно-христианской» и «латинской» традициях, активно вбирающих в себя местные этнокультурные элементы. Именно взаимопроникновение этих традиций, заимствующих, воспроизводящих и переосмысливающих пласты дохристианского культурного наследия, и обусловило появление такого феномена, как некрополь Бодзя.

Литература

- Архипова Е. И., Павлова В. В. 2007. Серебряная чаша асикритиссы Феодоры // ВВ 66 (91), 246–257.
- Гурьянов В. Н. 1993. Камерные погребения на Брянщине // Толочко П. П., Коваленко В. П. (ред.). Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від народження Д. Я. Самоквасова. Чернігів, Сіверянська думка, 31–33.
- Месгард Й-Кр., Мусин А. Е. (в печати). Монета-призрак: к истории «находки» нормандского денария в Звенигороде // Нумизматика и эпиграфика. Т. 19. М.: ИА РАН.
- Михайлов К. А. 2008. К вопросу о распространении древнерусских погребальных камер на Левобережье Днепра // Шинаков Е. А., Чубур А. А., Поляков Г. П. (ред.). Русский сборник. Вып. 4. Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. ун-та 9, 38–42.
- Платонова Н. И. 1998. Камерные погребения XI — начала XII вв. в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Седов В. В. (ред.). Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство славян. М.: УРСС, 372–380.
- Соболев В. Ю. 1997. О древнерусских камерных погребениях Новгородской земли // Кирпичников А. Н., Белецкий С. В. (ред.). Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого. Т. 2. СПб.; Псков: ПГОИАХМЗ, ИИМК РАН, 272–277.
- Столярова Е. К. 2010. К вопросу о технологии изготовления стеклянных золоченых бус домонгольского периода // КСИА 224, 323–333.
- Тесленко И. Б., Мусин А. Е. 2014. «Средневековые крестовидные подвески из листового серебра»: тридцать лет спустя // Асташова Н. И. (ред.). Славяне и иные языцы... К юбилею Н. Г. Неошивиной. М.: ГИМ, 242–253 (ТГИМ 192).
- Хамайко Н. В. 2014. Камерні поховання некрополя Десятинної церкви: проблеми інтерпретації // Opus Mixtum 2, 137–147.
- Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н., Чубур А. А. 2011. Погребальный обряд Среднего Подесенья как источник для исторических реконструкций. Брянск: Курсив.
- Щавелев А. С. 2002. Камерные погребения Гочевского могильника (Вопросы атрибуции, социокультурной интерпретации) // Русский сборник. Сборник научных трудов, посвященных 25-летию исторического факультета Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского. Брянск: Изд-во Брянского ун-та, 209–213.

- Щавелев А. С., Щавелев С. П.* 2003. Камерные ингумации Гочева: юго-восточная реплика варяго-русского погребального обряда // Толочко П. П. (ред.). Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару. Чернігів: Сіверянська думка, 194–200.
- Bauduin P., Musin A.* (red.). 2014. Vers l’Orient et vers l’Occident: regards croisés sur dynamismes et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne. Caen: CRAHM.
- Chudziak W.* 2001. Wczesnośredniowieczne groby koorowe z Kałdusa pof Chełmnie na Pomorzu Wshodnim // *Slavia Antiqua* 42, 63–96.
- Chudziak W.* 2012. Raz jeszcze w kwestii grobów komorowych z Kałdusa na Pomorzu Nadwiślańskim // *Dzieduszycki W., Wrzesiński J.* (red.). *Obcy. Funeralia Lednicka. Spotkanie 14.* Poznań: SNAP, 313–320.
- Dzik M.* 2011. Grobowe konstrukcje kamienne na późnośredniowiecznych cmentarzyskach w międzyrzeczu Bugu i Narwi // *Cygan S., Glinianowski M., Kotowicz P. N.* (red.). *In silvis, campis...et urbe. Średniowieczny obrządek pogrzebowy na pograniczu Polsko-Ruskim.* Rzeszów, Sanok: Rzeszów University, Muzeum w Sanoku, 295–304.
- Grygorowicz A.* 2003. Gdzie Kazimierz Odnowiciel mógł poznać Marię-Dobroniegę? // *Wozniak Z., Gancarski J.* (red.). *Polonia Minor Medii Aevi. Studia ofiarowane P.P. A. Żakiemu w osiemdziesiątą rocznicę urodzin.* Kraków; Krosno: Mitel, 225–228.
- Janowski A.* 2011. Early medieval chamber graves on the south coast of the Baltic Sea // *Bierman F., Kersting Th., Klammt A.* (Hrsg.). *Der Wandel um 1000. Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte der 18. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumsforschung in Greifswald, 23. bis 27. März 2009. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 60.* Langenweißbach: Beier&Beran, 257–267.
- Janowski A.* 2013. Are the chamber graves from Pień really Scandinavian? // *Moździoch S., Stanisławski B., Wiszewski P.* (red.). *Scandinavian Culture in Medieval Poland,* Wrocław: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, 395–409.
- Jazdzewski K.* 1951. Cmentarzysko wczesnośredniowieczne w Lutomiarsku pod Łodzią w świetle badań z r. 1949 // *Materiały Wczesnośredniowieczne* 1, 91–191.
- Leńczyk G.* 1930. Trzy miecze wikińskie w zbiorach Muzeum archeologii przedhistorycznej Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie // *Kostrzewski J.* (red.). *Księga pamiątkowa ku uczczeniu siedemdziesiątej rocznicy urodzin prof. dr. Włodzimierza Demetriewicza.* Poznań: Polskie Towarzystwo Prehistoryczne, 363–375.
- Liwoch R., Muller-Wille M.* 2012. «Druzhina» graves dating to the time around AD1000 in Pidgirici (Western Ukraine) // *Archäologisches Korrespondenzblatt* 42, 421–438.
- Mikhajlov K. A.* 2011. Chamber grave as interregional phenomenon of the Viking Age from Denmark and Old Rus’ // *Rębkowski M.* (ed.). *Ekskluzywne życie — dostojny pochówek w kręgu kultury elitarnej wieków średnich. Wolińskie spotkania mediewistyczne 1.* Wolin: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, 205–221.
- Moesgaard J. Ch.* 2014. Les échanges entre la Normandie et la Baltique aux Xe–XIe siècles — la documentation numismatique et ses limites // *Bauduin P., Musin A.* (red.). *Vers l’Orient et vers l’Occident: regards croisés sur dynamismes et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne.* Caen: CRAHM, 177–188.
- Profantova N., Šilhova A.* 2010. Raně středověké kaptorgy v Čechách. Analýza nálezů z hrobu č. 22 na pohřebišti Klecany II // *Památky archeologické* 101, 283–310.
- Profantová N., Špaček J., Novotná M.* 2011. Nové poznatky o výrobě a obsahu katorg na základě studia hrobů ze Zelenče a Čelákovic // *Archeologie ve středních Čechách* 15, 539–552.
- Ratajczyk Z.* 2013a. The cemetery in Ciepłe — current research results // *Moździoch S., Stanisławski B., Wiszewski P.* (red.). *Scandinavian Culture in Medieval Poland.* Wrocław: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, 317–345.
- Ratajczyk Z.* 2013b. Jednak ostrogi-brązowe okucia typu lutomiarskiego w świetle najnowszych badań na cmentarzysku w Ciepłym // *Slavia Antiqua* 54, 287–305.
- Rębkowski M.* 2007. Chrystianizacja Pomorza Zachodniego: studium archeologiczne. Szczecin: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences.

- Rębkowski M.* 2011. Die Christianisierung Pommerns: eine archäologische Studie. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 197. Bonn: Habelt.
- Sikora J.* 2013. O interpretacji etnicznej wczesnośredniowiecznych pochówków elitarnych. Skandynawowie w państwie pierwszych Piastów i na Pomorzu? // *Slavia Antiqua* 54, 61–96.
- Sobolev V. Yu.* 2012. On the process of formation of early Rus' burial culture in the Novgorod Land // Salamon M., Woloszyn M., Musin A., Špehar P. (eds.). Rome, Constantinople and Newly-converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. Vol. 1. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences; Rzeszow University, 751–766.
- Williams G., Pentz P., Wemhoff M.* (eds.). 2014. Viking: Life and Legend [exhibition catalogue]. London: The British Museum Press.